

ДОСТОЕВСКИЙ ЗАГОВОРИТ ПО-РУССКИ

Москва, новости — 2004, — 22 янв — с. 26

Анджей Вайда с женой Кристиной и одной из любимых кошек

репетиции

В Москву знаменитый режиссер собирается вместе с женой — сценаристом и художником по костюмам Кристиной Захватович. Помимо репетиций «Бесов», Вайда намерен обговорить с министром культуры Михаилом Швыдким сценарий фильма о Катынской трагедии, подобрать российских студентов на международный курс своей школы кинематографии, посмотреть, что делается в театрах... Перед отъездом Вайда нашел время для корреспондента «МН», пригласив его в свой уютный варшавский дом. И вот уже полыхает камин, пан Анджей подносит еще одну охалку поленьев, разливает кофе. Рядом притулились две собаки и четыре кошки.

— Вы знаете, чему я больше всего рад? — начинает разговор Анджей Вайда. — Был у меня Достоевский по-польски, по-английски, по-немецки, по-японски... Наконец-то услышу писателя на его родном языке.

— Почему в этом году длинный список ваших зарубежных театральных постановок открывает московский «Современник»?

— Потому, что я всегда был верным

зрителем этого театра. В 1972 году мне предложили поставить там психологическую драму Дэвида Рейба «Как брат брату» — о войне во Вьетнаме. Помню, мы вышли поздней ночью с генеральной репетиции на площадь Маяковского, и я увидел, что перед театром толпятся люди. Спросил: «Что они делают?» А мне с удивлением отвечают: «Как что? Стоят за билетами!» После этого жизнь прошла. Но я всегда мечтал вернуться в этот театр.

— И сейчас остановились на «Бесах»?

— С Галиной Волчек мы пришли к согласию, что сегодня именно «Бесы» могут стать тем спектаклем, который скажет зрителю что-то особенно важное. В этом романе Достоевский пророчески показал первые симптомы явления, которое неудержимо развивается на наших глазах. Я имею в виду терроризм.

— Вам удалось познакомиться с сегодняшним «Современником»?

— Недавно, будучи в Москве инкогнито, я неделю провел в театре и смог увидеть практически всю труппу. Сидя в зрительном зале, я одним глазом смотрел на сцену, другим — на публику. Она была великолепна! Именно та-

кие люди приходили в краковский Старый театр 15 — 20 лет назад. В Москве фантастические актеры, лучше я нигде не найду.

— Многие актеры вашего дебютного спектакля по-прежнему в «Современнике»...

— Я с радостью встретился с Игорем Квашой, который будет играть Степана Трофимовича Верховенского. Галина Волчек обещала мне, что исполнит роль Варвары Петровны. Правда, с оговорками — если позволит время.

— Это сенсация — Галина Борисовна давно не выходила на сцену.

— Я сказал, что приеду в Москву только затем, чтобы увидеть ее в спектакле. И этим шантажом (смеется) вынудил ее согласиться.

— Когда 90 лет назад Немирович-Данченко поставил «Бесов», Горький разгневался, увидев в спектакле «поддержку болезненных настроений части русской интеллигенции». Вас не смущает эта черная метка?

— На этот счет у меня выработался иммунитет. С «Преступлением и наказанием» и «Настасьей Филипповной» мы объехали весь мир. А на наших

«Сегодня именно «Бесы» могут стать тем спектаклем, который скажет зрителю что-то особенно важное. Я имею в виду предсказанный писателем терроризм».

21 января Анджей Вайда приступает к работе над спектаклем «Бесы» в московском театре «Современник»

«Бесов», поставленных в Кракове 30 с лишним лет назад, запрет был наложен почти изначально. Нам удалось выехать с этим спектаклем в Швейцарию и Англию, но советское посольство в Лондоне заявило, что не хотело бы видеть польских «Бесов» в столице Великобритании. Зато их заметил известный американский театральный критик и режиссер Роберт Бруштейн, который пригласил меня в Нью-Хавен повторить краковскую постановку. Лизу Дроздову там играла студентка Мерил Стрип, это было ее первое выступление на сцене. Кстати, в начале 70-х я уговаривал Фурцеву разрешить мне снять фильм «Бесы» с советскими артистами. Но министр культуры СССР сказала, что огрехала: ни в коем случае.

— Франко Дзеффирелли, игравший в фильме Висконти «Преступление и наказание», говорит, что через Достоевского Запад постигает душу русского человека — униженного и оскорбленного, но с богатым внутренним миром. Вы разделяете такой взгляд?

— Я бы не согласился прежде всего с тем, что Достоевский представляет душу только русского человека. Писателя знают во всем свете, ибо он раскрывает внутренний мир человека вообще, в том числе и мой. Его везде воспринимают как «своего» автора. От каждого, кто к нему приближается, Достоевский требует обнаженного ответа на вопрос: «А кто я такой?»

— Недавно за рубежом была обнаружена переписка между ЦК КПСС, КГБ и Союзом кинематографистов СССР, которая относится к визиту в Москву в январе 1981 года делегации деятелей кино ПНР под вашим руководством. Председатель КГБ Юрий Андропов, основываясь на ваших словах «мы хотим, чтобы искусство и культура не имели ничего общего с партией», пишет о «враждебных взглядах А. Вайды». Как вам нравится такое эпистолярное наследие?

— Да я и сам об этом только узнал. И знаете, о чем сразу подумал? Хорошо, что я и духом не ведал, что был под «колпаком» у Андропова!

— Как вы чувствовали себя тогда в Москве, когда к Польше было приковано особое внимание? Боль-

шинство польских кинематографистов уже были членами «Солидарности».

— Сейчас, может быть, это звучит смешно, но тогда мы чувствовали себя победителями — за нами стоял 10-миллионный независимый профсоюз. Среди нас было много известных мастеров, взять хотя бы Ежи Кавалеровича и Кшиштофа Кесьлевского. Да и с советской стороны были звучные имена — Марлен Хуциев, Владимир Наумов, Юрий Озеров, Алексей Баталов... Встречи и переговоры с коллегами носили дружеский характер, я не помню, чтобы был хотя бы намек на конфликт.

— Однако за запиской Андропова последовал пространственный отчет первого секретаря Союза кинематографистов Льва Кулиджанова, который высказывал «непонимание позиции отдельных деятелей культуры Польши». Вы об этом также не знали?

— А откуда я мог знать? Мне даже в голову не приходило, что слова «независимый профсоюз», «самоуправляемая кинематография» окажутся для кого-то красной тряпкой. Но о том, чтобы кого-то подговаривать, убеждать и тем более создавать в Москве ячейку «Солидарности», речи не было. Мы только считали, что можем поделиться своим опытом. Я до сих пор расцениваю ту поездку как встречу друзей. А то, что отразилось в отчетах, — побочный продукт.

— Когда ваших «Бесов» в «Современнике» увидит зритель?

— Премьера запланирована на 16 марта. Но у меня есть еще одна связанная с этой постановкой мечта. Если спектакль будет иметь успех, я бы привез в Москву польскую киногруппу, с которой работаю несколько лет для «Театра телевидения», и перенес «Бесов» на экран, чтобы после нашей совместной работы остался след. Из краковского спектакля-долгожителя никто так и не решился снять хотя бы одну сцену. А я ведь больше полжизни провел с Достоевским. Он меня сформировал. Именно ему я во многом обязан своими знаниями о людях и человеческой душе.

Валерий МАСТЕРОВ,
сбор «МН», Варшава